

Всегда так бывает: ищешь какую-то нужную и важную вещь и никак не можешь найти. Не помогает даже “Чёрт-чёрт, поиграй да отдай!”

Эту магнитофонную кассету я давно не мог найти в своей старой квартире. Только при переезде она счастливо нашлась. На этой кассете записан голос бабушки Сани, которой уже нет с нами тридцать лет. Вся большая семья – дочери с мужьями, внуки – приезжали к ней на всё лето в деревню. Дядя Валера брал с собой магнитофон и как-то раз записал наши голоса, чтобы вспомнить зимой, а оказалось – запись сохранила их на много-много лет...

И вот бесценная кассета в моих руках. Старых магнитофонов уже не найти, на “оцифровку” ленты ушёл целый день. Но что такое один день в сравнении с тридцатью годами?

“Кликаю” на ноутбуке нужный файл и... шебуршание. А потом звук:

— *Аты-баты! Шли солдаты.
Аты-баты! На базар.*

Это дядя Валера командным голосом поёт детские стишки. Сам он служил в милиции.

- Он сказал интелесно! – чей-то картавый голос из магнитофона.
- Сейчас будет говорить мой лучший друг Тёма! – объявляет дядя Валера.

— *Я иглаю на галмошке
У плохожих на виду,
К сожаленью, день ложденья
Только лаз в году-у!*

Неужели этот пискля – я?! Никак не могу соотнести голос с собой. Подумалось: почему всем детям нравится петь?

Дядя Валера любил возиться со мной. Помню такую весёлую историю. В то же лето или годом позже соседский мальчик Андрейка часто к нам при- бегал поиграть машинками. Он на пару лет старше, чем я. Андрейка любил взрослые песни из репертуара Валентины Толкуновой. Особенно мальчику нравилась песня “Я не могу иначе” со словами “Где-то жалейка плачет”. Мы так и прозвали Андрейку – Жалейка.

Однажды дядя Валера решил пошутить над Жалейкой или, может, он просто устал от такого детского исполнения.

– Тёмка, копай-ка ямку. Сейчас мы Жалейку закопаем!

На этих словах Андрейка перестал воображать себя Толкуновой и с пла- чем кинулся домой, только голые пятки сверкали по ярко-зелёной траве.

Кстати, у Андрея, с которым спустя много лет мы снова дружим (нет, па- уза произошла вовсе не из-за той шутки дяди Валеры), по-прежнему люби- мая певица Валентина Толкунова.

Тем временем к магнитофону дядя Валера пригласил нашего родственни- ка и одновременно соседа Леонида Ивановича. Он ещё тот был бухтинщик!

– Леонид Иванович, иди сюда!

Для деревенского жителя магнитофон был в диковинку, а тут ещё запись. Леонид Иванович напрягся:

– А зачем?

– Да поди, не бойся! За тобой – интервью.

Вот выдумщик дядя Валера: не песня, так интервью.

– Рассказывай, чем сегодня занимался?

– Картошку окучивал.

– Что ещё делал?

– Колбасу ел.

Дядя Лёня, кажется, принял игру.

– Ну, что ещё?

– Матюкался!

– Вот молодец!

Дядя Валера добился, чего хотел. Интервью получилось.

– Кушать подано, просим жрать!

Это тётя Рита, жена дяди Валеры, прерывает запись. Она работала пова- ром в обкомовской столовой. Как-то, наливая суп первому секретарю партии, который ей симпатизировал, пожаловалась на холод в квартире, из-за чего её маленькие дети часто болели. Вечером пришла домой – в норковой шубе на- чальник ЖКХ лично регулирует батареи в квартире. Больше проблем с отоп- лением во всём доме не было.

После перерыва дядя Валера снова донимает кого-то – к нам часто захо- дили соседи.

А-а, это тётя Маша. . .

– Тётя Маша, как здоровье?

– Сегодня хорошо, а завтра худо. С утра встаю плохо. Целый час разло- маюсь. Потом по улочке похожу, поработаю – и слава Богу.

– А дедко не беспокоит? – подмигивает дядя Валера.

– Надаю поленом, так не беспокоит.

– А аппетит-то как?

– Хороший.

– Ну, значит, долго проживёшь!

Тётя Маша пережила своего дедка и младшего сына. Её схоронили на бо- лотистом северном кладбище, там, куда уехали все дети, вдалеке от дома.

Вместе с дядей Валерой и его детьми запеваем любимую шуточную песню:

– *Три танкиста выпили по триста,*

А четвёртый — полное ведро.

Три танкиста шли домой шатаясь,

А четвёртый на карачках полз.

Все смеются.

Дядя Валера служил в танковых войсках. Я всегда поминую его в День танкиста. Дядя Валера умер дома, в кресле, в окружении своих родных, внушек. Пацана-внука он так и не дождался. Тётя Рита сажает на его могилке самые редкие для сурового северного климата цветы. . .

- Выступает бабушка Саня! – объявляет мой брат Рома.
- Ой, не знаю, что и спеть-то. Может, и не надо.
- Но мы-то знаем, что бабушка любит и умеет петь. Просим, не отступаем.
- Ну, бабушка!

*— Во поле берёза стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люли-люли стояла,
Люли-люли стояла...*

Бабушка поёт так, что все замолчали. Тянет гласные, как нить в веретене, как тянется долгая северная зима.

- Тяжёлая песня, – признаётся она.
- А ты давай частушки! – предлагает дядя Валера.

*— А я маленькая, а я худенькая,
Повернулась на кругу —
Не помешала никому!*

“Не помешать” – так жили наши бабушки-дедушки. Скромно. Тяжело. Но весело, с песней. Бабушка Саня подняла четверых дочек одна. Муж, мой дедушка, умер, когда младшая не умела ходить, а старшие учились в школе. Больше замуж бабушка Саня не вышла.

*— Я и так, я и сяк,
Я и зайчиком,
Почему не поплясать
С этим мальчиком?*

Эта частушка бабушки посвящалась мне.

- А теперь давайте вместе споём! – дирижирует дядя Валера.
- Только выпей молочка парного, – успевает вставить мама. – Хоть маленькую кружечку.
- Зубы, нёбо помнят этот вкус нелюбимого парного молока. . .

*— Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...*

С бабушкой поют все четыре внука, только у самого младшего, то есть у меня, получается “расцветали яблони и груши”.

И не было счастливее нашего хора.

Песня продолжается, а слёзы текут, не останавливаясь.

. . . Последний раз я видел бабушку Саню той же зимой. На Новый год она упростила всех нас в полном летнем составе приехать в деревню. Встретила в аэропорту на машине-летучке, как на такси. Так называли грузовую машину с фургоном для ремонтной бригады, наверное, потому, что она должна быстро перевозить рабочих к месту аварии. Но “лететь” по деревенским дорогам не получалось, даже зимой.

. . . 31 декабря, мороз за тридцать. Толку от раскалённой буржуйки в железном фургоне мало. Бабушка для сугреву взрослым наливает беленькой, нас закутывает с глазами в одеяла. По полу “летучки” гремит железная цепь.

Приехали. . . Тёмная зимняя ночь в деревне. Долго не ложимся спать. Бабушка молча слушает нас, наши нехитрые новости.

- Мама, давай спать! – говорят уставшие с дороги дочери.
- Да посидим ещё маленько. Не наговорились. . .

Бабушка чувствовала, что это может быть один из последних разговоров: она тогда уже болела, но нам не жаловалась. Она никогда ни на что не жаловалась. Той зимой похудела, что было верным спутником смертельной болезни.

— Только бы умереть да вас не намучать, девки.

— Мама, что ты говоришь! — заругались дочери.

Трещат от мороза углы в доме, пугают ребятешек...

В следующий раз бабушка собрала дочерей в конце марта. Хоронили в её день рождения. Скоротечный рак печени.

В тот зимний приезд на Новый год меня не выпускали на улицу — так было морозно. Тётя Рита научила меня вырезать из бумаги снежинки. Все окна были ими заклеены. Чем ещё было заняться, когда не было телевизора в нашем деревенском доме? А бабушке некогда было его смотреть — большое хозяйство: корова, овцы, которых мы называли почему-то маси, свинья, куры...

— Бабушка, купи телевизор, — попросил старший брат.

— Куплю, дитятко!

Когда летом мы приехали в деревню, телевизор стоял на комод. Нераспакованный. Посмотреть его бабушка Саня так и не успела...

— *Плелетит вдлуг волшебник*

В голубом велтолете

И бесплатно покажет кино-о-о...

Магнитофонная запись продолжается. Как дорого бы я дал, чтобы этот волшебник превратил магнитофонную запись в “картинку”, и я увидел бы всех хоть на миг живыми — бабушку Саню, дядю Валеру, Леонида Ивановича... И запел бы с ними любую песню.

Тридцать с лишним лет не слышно голосов в нашем деревенском доме. Пустует изба, окна всё ближе к земле, куда ушли её хозяйева. Отрезанные электриками провода бьются о чёрные стены, пугая случайно оказавшуюся в доме мышку.

...Мой ноутбук негромко гудит от напряжения, а я всё слушаю, вновь и вновь включая закончившуюся запись, и эти песни наполняют мою городскую квартиру и меня — до самого сердца.

РОДНЫЕ МАЯЧКИ

— Грачи прилетели, — это так Ленко встречал нас, заявившихся в деревню к бабушке на всё лето.

Ленко, он же дядя Лёня, был соседом и близким родственником одновременно.

— Пришёл попроведать, — зачем-то каждый раз говорил он, словно оправдывая своё появление в гостях. Хотя наши избы стояли друг против друга и весь день он мог наблюдать, чем мы занимаемся.

— Сиди, сиди, Леонид Иванович, — говаривала бабушка. — Не мешаешь. Он курил через чёрный мундштук только сигареты “Прима”, потому что они были самые дешёвые. Денежку на другое курево Ленко жалел.

Как только он уходил, через минуту, словно сменив его на посту, прибегала Анюшка. Маленькая, практически невесомая старушка всегда была в белом платочке. Садилась тоже на лавку у печки, на то самое место, кажется, после Ленка ещё не оставшее.

— Как живитё? — Анюшка всегда задавала один и тот же вопрос.

В раннем детстве я считал Ленко и Анюшку мужем и женой. А как же? Они примерно одного возраста, жили в одном доме, говорили друг о друге, об общем хозяйстве. Были, как одно целое.

Только много позже, когда Анюшка и Ленко уже ушли на тот свет, я узнал, что они, оказывается, родные брат и сестра, Леонид Иванович и Анна Ивановна. А нашему дедушке — двоюродные.

Леонид Иванович успел захватить Великую Отечественную. Он служил юнгой на Северном флоте. С войны привёз осколок в животе и целый мешок матросских воротников.

— Ну, хоть бы что-нибудь ещё, гостинец какой, — вздыхала Анюшка для вида.

Однако и воротники не пропали в деревенском хозяйстве. Анюшка наткала из них половичков на весь дом, один и нашей бабушке перепал. Они служили уже не один десяток лет. “Крепкая материя!” — удивлялись женщины.

Сразу после войны Ленко посадил у дома два тополя, за ними он специально съездил в Устюг.

— Обычно ведь что у всех домов растёт? Черёмуха. То-то же. А тополь — городской житель, — объяснял он.

Тополя росли, как на дрожжах, и превратились в огромных великанов. Спустя десятилетия они стали заметны издали, как только деревня показывалась путнику из-за леса. Если виднеется что-то зелёное, громадное, то здесь живут Ленко и Анюшка, а, значит, рядом и родной дом. Для нас это были своего рода маяки.

После войны жить бы да жить, жениться, выходить замуж, растить детей... Но не получилось у них создать собственные семьи, не дал Бог детей.

Многие за глаза Ленко называли Старйще. Прозвищами в деревне, конечно, никого не удивишь, у каждого почти имелось. Вот с Колей Красным понятно. Лицо красное, как из бани всегда. Но почему Старйще? Может быть, потому, что молодой Ленко никогда и не выглядел: после возвращения с войны и до самой старости лицо у него было худое и морщинистое.

Один раз мальцом, при людях, к дяде Лёне я добавил “Старйще”, чтобы посмотреть на его реакцию. Ругаться Леонид Иванович не стал, а сказал только: “Неэтично это”. Любил он что-нибудь этакое вернуть в свою речь. Неделю не приходил к нам в гости — обижался. А потом снова — с порога:

— Давно собирался, вот пришёл поповедать...

Но я до сих пор краснею, когда вспоминаю этот случай с прозвищем...

Как все деревенские, Леонид Иванович нрава был весёлого, бухтинщик ещё тот — всё шуточки да прибаутки. “Тётка, у тебя чёрная серёдка”, — это из его самых приличных присказок.

В 1960-е в деревне была общая баня, в которой по “мужским” дням мылись мужчины, по “женским” — женщины и дети. Так Ленко Старище обязательно придёт, когда парились женщины. “Лешак тебя принёс!” — ругались бабы и прогоняли Ленка.

Анюшка всю свою нерастрченную любовь и заботу дарила нам, соседским детям.

— Ромашка, белая рубашка, — говорила она моему брату Роме и, как фокусник, доставала из-под чистого передничка пистешник (пирожок с “пистиками” — молодыми ростками хвоща полевого) или шанежку с картошечкой, ещё горячую.

— Только Ленку не говорите. Ругать будет, — просила Анюшка и жаловалась: — Хоть бы пряники магазинские когда разрешил купить, не едала...

Все в деревне и так знали, как Старйще был скуп. Говорят, все деньги он откладывал “на книжку”. Но сколько их там он накопил, никто не знал.

В деревне мало у кого был телевизор — можно по пальцам одной руки пересчитать. Но Леонид Иванович купил его одним из первых. Из телепередач, видно, и набрался интеллигентных слов. В доме Ленка и Анюшки был идеальный порядок, наверное, у хозяина это повелось ещё с флота. Даже мухи у них, кажется, не летали, а телевизор после просмотра обязательно накрывали белой кружевной накидкой.

Анюшка, Божий человек, умела заговаривать грыжу, лечила все болезни живота.

— На сегодняшний денёк смолеватенький пенёк, — гладила сухой ручкой мне, малышу, животик, и боль уходила.

Но вылечить себя она не смогла: умерла внезапно от грыжи. Надорвалась с телятами на ферме.

Ленко после её ухода сильно сдал.

— Я долго без моей Анюшки не проживу, — как-то раз грустно сказал он нашей бабушке.

Так и случилось. Пошёл в больницу “проверяться” — и там через месяц умер. Недолго он смог прожить без сестры. Любил её, оказывается, крепко...

Всё “наследство” досталось племяннику, которого в деревне и видели-то пару раз. Молодой мужчина пришёл с завещанием в сберкасса снимать деньги

с книжки Леонида Ивановича, а оказалось — там шиш да ни шиша. Хватило только на похороны да на поминки.

— Не может быть! — рассвирепел племянник.

Не оказалось у Ленка никакого богатства. Да и откуда же ему было взяться, когда в колхозе работали за трудодни, а потом в совхозе — за копейки?

Племянник зачем-то срубил оба тополя, может, на дрова, чтобы побольше денег поиметь с дядькиного хозяйства.

Не стало Ленка и Анюшки, не стало и тополей. Не видно издалека, где же дом... Лишились мы родных маяков.

На тихом деревенском погосте рядом три могилки — бабушки Сани, Анюшки и Ленка. На памятниках — одна фамилия. Как жили всю жизнь вместе, по-соседски, так и сейчас лежат рядышком.

... В кровь порезал руки, выдирая сорную траву с могилки, — опять перчатки забыл. Поправлю у памятника Леониду Ивановичу выцветшую георгиевскую ленточку. Покрошу городских пряников для Анюшки, которых она так и не наелась досыта.

Помяну и тихо уйду, не оглядываясь...